

В. БАРТОЛЬДЪ.

ОБРАЗОВАНІЕ

ИМПЕРІИ ЧИНГИЗЪ-ХАНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1896.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *В. Дружининъ*.

(Отдѣльный оттискъ изъ „Записокъ Восточн. Отдѣл. Имп. Русск. Археолог. Общ." Томъ X).

Образованіе имперіи Чингизъ-хана.

(Пробная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ Университетѣ 8-го апрѣля 1896 г.).

Быстрое образованіе обширной кочевой имперіи — явленіе, часто повторявшееся въ исторіи Средней Азіи. Вслѣдствіе условій кочевой жизни движеніе, вызванное различными причинами, главнымъ образомъ экономическаго свойства, въ короткое время могло охватить цѣлый рядъ народовъ и распространиться на много тысячъ верстъ, останавливаясь только передъ непреодолимымъ препятствіемъ. Успѣхъ борьбы съ встрѣчными преградами и вмѣстѣ съ тѣмъ границы кочевой имперіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлялись количествомъ военныхъ силъ кочевниковъ, степенью энергіи и дарованій ихъ предводителей и степенью могущества тѣхъ политическихъ организацій, которыя имъ приходилось встрѣтить на своемъ пути.

Насколько извѣстно, только три такія имперіи простирались одновременно на восточную и западную часть Средней Азіи: имперія хунновъ во II в. до Р. Хр., имперія тюрковъ въ VI в. и имперія монголовъ въ XIII в. нашей эры; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ народы переходили въ нынѣшній Туркестанъ только послѣ того, какъ были вытѣснены изъ Монголіи новыми завоевателями. Изъ названныхъ государствъ первыя два ограничились объединеніемъ кочевыхъ народовъ и захватомъ тѣхъ культурныхъ областей, которыя всегда больше всего подвергались нападеніямъ кочевниковъ; монгольское нашествіе разрушило цѣлый рядъ культурныхъ государствъ на всемъ пространствѣ Азіи, и имперія монголовъ своей обширностью превосходитъ всѣ до сихъ поръ существовавшія государства въ мірѣ.

Чѣмъ объясняются такіе исключительные успѣхи монгольскаго оружія? Въ настоящее время можно считать окончательно доказаннымъ, что

монгольскія завоеванія не были безпорядочнымъ нашествіемъ дикихъ полчищъ, подавлявшихъ все своею численностью; монгольскіе отряды передвигались по вполнѣ опредѣленнымъ стратегическимъ планамъ, разбивая на пути гораздо болѣе многочисленныя войска культурныхъ народовъ. Еще труднѣе, конечно, было сохранить единство имперіи, состоявшей изъ столькихъ разнообразныхъ элементовъ—задача, которая въ такомъ объемѣ еще не предлагалась ни одному народу и которая казалась бы совершенно непосильной для полудикихъ монголовъ; между тѣмъ единство имперіи было сохранено не только при Чингизъ-ханѣ, но и при его сыновьяхъ и старшихъ внукахъ; послѣ распаденія имперіи въ отдѣльныхъ государствахъ преобладаніе монгольскаго элемента сохранялось еще въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній. Естественно было предположить, что по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ организаціи имперіи личность предводителя полудикихъ кочевниковъ не играла большой роли, т. е. что это дѣло было совершено подъ именемъ Чингизъ-хана его совѣтниками изъ представителей культурныхъ народовъ. Исходя изъ такого взгляда, проф. В. П. Васильевъ въ своей книгѣ «Исторія и древности восточной части Средней Азіи» [1]) и въ нѣкоторыхъ мелкихъ статьяхъ [2]) старался доказать, что Темучинъ всецѣло находился подъ вліяніемъ китайцевъ и принявшихъ китайскую культуру такъ называемыхъ киданей [3]). Другіе, какъ покойный проф. И. Н. Березинъ въ своемъ прекрасномъ для того времени изслѣдованіи «Очерки внутренняго устройства улуса Джучіева», отводили главное мѣсто геніальнымъ дарованіямъ Чингизъ-хана и придавали больше значенія «здравому смыслу дикаря», чѣмъ наставленіямъ его культурныхъ совѣтниковъ. Историческія данныя, по нашему мнѣнію, говорятъ скорѣе въ пользу второй теоріи. Какъ ни скудны и сомнительны дошедшія до насъ извѣстія о дѣтствѣ, юности и первыхъ военныхъ подвигахъ Чингизъ-хана, всетаки они намъ даютъ возможность возстановить, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, историческую истину. Эти источники слѣдующіе:

1) Оффиціальная редакція монгольскаго преданія въ томъ видѣ, въ какомъ оно, на основаніи не дошедшаго до насъ монгольскаго сочиненія «Золотая книга» (Алтанъ-дептеръ), вошло въ оффиціальную исторію монголовъ, составленную въ Персіи (именно «Сборникъ лѣтописей» Рашид-эддина [1]) и въ Китаѣ (*Юань-ши*, т. е. исторія дин. Юань [2]).

2) Монгольское сказаніе XIII в., обнародованное въ Китаѣ въ концѣ XIV в., при династіи Минъ, подъ названіемъ *Юань-чао-ми-ши*, т. е. «секретная исторія династіи Юань» [3]). Покойный проф. Березинъ не совсѣмъ удачно назвалъ этотъ крайне любопытный памятникъ «монголо-китайской лѣтописью». На самомъ дѣлѣ онъ скорѣе всего можетъ быть отнесенъ къ героическому, богатырскому эпосу; въ фантастической окраскѣ здѣсь изложена легендарная исторія монголовъ и исторія образованія монгольской имперіи, причемъ авторъ имѣетъ въ виду прославленіе не столько царствующей династіи, сколько ея сподвижниковъ изъ степной аристократіи, къ которой онъ относится съ явнымъ пристрастіемъ [4]) и къ которой повидимому принадлежалъ самъ.

3) Разсказъ китайскаго современника Чингизъ-хана, *Мэнъ-хуна*, переведенный проф. Васильевымъ [5]).

4) Извѣстія мусульманскихъ современниковъ Чингизъ-хана, главнымъ образомъ собранныя персидскимъ историкомъ *Джузджани*, сочиненіе котораго (*Табакати-Насири*) издано въ англійскомъ переводѣ Раверти [6]).

Монгольскій или, какъ онъ самъ себя называлъ въ то время [7]), татарскій народъ раздѣлялся на множество племенъ, среди которыхъ китайцы различали три группы по степени культурности: бѣлыхъ, черныхъ и дикихъ татаръ [8]). Первые, жившіе въ южной Монголіи, около китайской стѣны, наиболѣе были проникнуты вліяніемъ китайской цивилизаціи. Черные татары, занимавшіе бо̀льшую часть нынѣшней Монголіи, не находились подъ

---

1) Труды Вост. Отд. Арх. Общ., т. IV.

2) Ср. З. В. О. IV, 379.

3) Послѣ открытія орхонскихъ надписей можно считать окончательно установленнымъ, что форма *Кидань* есть только китайская транскрипція слова *Китай* — названія народа, по всей вѣроятности, маньчжурскаго происхожденія; какъ извѣстно, этотъ народъ въ X, XI и XII вв. владѣлъ сѣвернымъ Китаемъ, и впослѣдствіи названіе его было перенесено нѣкоторыми народами на всю страну.

1) Введеніе (обзоръ тюркскихъ и монгольскихъ племенъ) и исторія Чингизъ-хана изданы въ текстѣ и въ русскомъ переводѣ проф. Березинымъ. Въ нашихъ ссылкахъ мы имѣемъ въ виду переводъ, причемъ, согласно указателю, составленному проф. В. А. Жуковскимъ, обозначаемъ цыфрой I введеніе, цыфрами II и III — части 1-ую и 2-ую исторіи Чингизъ-хана (Труды Вост. Отд., ч. XIII и XV).

2) На европейскіе языки до сихъ поръ переведены только сокращенныя изданія Юань-ши; на русскомъ языкѣ см. Іакинѳъ, Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингизова, Спб. 1829 г.

3) Русскій переводъ арх. Палладія, помѣщенный въ IV т. «Трудовъ Росс. Миссіи въ Пекинѣ», сдѣланъ съ китайскаго; о монгольскомъ подлинникѣ см. статью проф. А. М. Позднѣева въ «Зап. Русск. Археол. Общ.» за 1883 г.

4) См. особенно Тр. Пек. М. IV, 129.

5) Приложеніе къ упомянутой выше книгѣ «Исторія и древности Средней Азіи».

6) Raverty, Tabakât-i-Nâsiri, p. 1077.

7) Въ Китаѣ, въ мусульманскомъ мірѣ и въ Европѣ монголы одинаково сдѣлались извѣстными прежде всего подъ именемъ татаръ; еще полководецъ Мухули, происходившій изъ племени чжелаировъ, въ присутствіи Мэнъ-хуна называлъ себя «татарскимъ человѣкомъ» (Тр. В. О. IV, 220).

8) Тр. В. О. IV, 216.

непрерывнымъ воздѣйствіемъ культурныхъ народовъ, представители которыхъ проникали въ эту страну только въ качествѣ торговцевъ. Мѣновая торговля съ кочевниками находилась въ рукахъ туркестанскихъ купцовъ, уйгурскихъ и мусульманскихъ, всегда отличавшихся большей предпріимчивостью въ этомъ отношеніи, чѣмъ китайцы. Уйгуры и мусульмане захватили въ свои руки даже торговлю между Монголіей и Китаемъ, т. е. закупали товаръ въ Китаѣ и перепродавали его кочевникамъ; въ рукахъ подобныхъ купцовъ иногда сосредоточивались значительные капиталы [1]). Благодаря этому обстоятельству и благодаря своей сравнительной образованности купцы, конечно, могли оказывать вліяніе на хановъ и черезъ ихъ посредство на народъ; кромѣ того за буддійскими, несторіанскими и мусульманскими купцами, какъ всегда, слѣдовали миссіонеры ихъ религій. Исламъ въ то время еще не достигъ полнаго господства въ Средней Азіи, и дѣятельной мусульманской пропаганды въ Монголіи не было; среди ближайшихъ туркестанскихъ сосѣдей монголовъ, уйгуровъ, преобладали буддизмъ и христіанство несторіанскаго толка; несторіанскимъ миссіонерамъ удалось обратить въ свою вѣру нѣкоторыя сильныя племена черныхъ татаръ, какъ наймановъ и кераитовъ. Тюркскія имена и титулы мы встрѣчаемъ во всей Монголіи, даже у собственно-татаръ, жившихъ на границѣ Маньчжуріи, около озера Буиръ-норъ [2]); можетъ быть это объясняется вліяніемъ не только тюркскихъ современниковъ, но и степныхъ преданій о тюркскихъ каганахъ, владѣвшихъ Монголіей въ прежніе вѣка.

Дикіе татары, которыхъ монголы называли «лѣсными народами», большею частью вели бродячій образъ жизни въ лѣсахъ нынѣшней Забайкальской области и сѣверо-западной Монголіи. Въ глазахъ этихъ дикарей, судя по словамъ Рашид-эд-дина [3]), даже жизнь кочевника была такимъ же невыносимымъ рабствомъ, какимъ самому кочевнику кажется жизнь земледѣльца. Шаманизмъ сохранялся здѣсь во всей своей чистотѣ; еще въ эпоху монгольскаго владычества Забайкалье считалось классической страной шаманизма [4]).

На берегахъ Онона, на границѣ владѣній черныхъ и дикихъ татаръ, около 1155 г. [5]) родился Темучинъ. Китайцы причисляютъ его къ чернымъ

1) Тр. В. О. IV, 219, 228; Тр. Пек. Миссіи IV, 95.

2) Въ виду этого мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Howorth'a, который въ такихъ именахъ и титулахъ видитъ доказательство тюркскаго происхожденія того или другого племени. См. History of the Mongols, I, 20—25, 693—700.

3) I, 90.

4) Рашид-эд-динъ I, 142.

5) Такъ по всѣмъ источникамъ, кромѣ китайской оффиціальной исторіи и позднѣйшаго монгольскаго преданія (у Сананъ-сэцэна). См. Рашид-эд-динъ II, 85; Тр. В. О. IV, 217; Tabakāt-i-Nāsiri, p. 1077.

татарамъ; по монгольскому преданію Темучинъ происходилъ изъ рода Кыіотъ, принадлежавшаго къ племени тайджіютовъ, одному изъ лѣсныхъ племенъ [1]). По тѣмъ же легендамъ Темучинъ и его братья въ молодости вели жизнь охотниковъ и рыболововъ. Извѣстія объ отцѣ Темучинѣ, Ѣсугай-бахадурѣ, крайне противорѣчивы; по словамъ Мэнъ-хуна [2]), онъ былъ простымъ десятникомъ; по монгольскому преданію [3]) онъ стоялъ во главѣ чуть-ли не всѣхъ монгольскихъ племенъ. Послѣднее во всякомъ случаѣ преувеличено, но нѣкоторая доля исторической истины вѣроятно всетаки заключается въ разсказахъ о подвигахъ Ѣсугая и о его борьбѣ съ буиръ-норскими татарами, въ которой онъ наконецъ нашелъ свою смерть [4]). Во всякомъ случаѣ онъ совершалъ отдаленные походы, такъ какъ взялъ себѣ жену изъ племени Хункиратъ, жившаго около китайской стѣны, т. е. принадлежавшаго къ бѣлымъ татарамъ [5]); отъ этой жены родились Темучинъ и его братья.

Каково бы ни было положеніе Ѣсугая среди тайджіютовъ, послѣ его смерти его малолѣтніе сыновья (старшему, Темучину, было 13 лѣтъ) были оставлены всѣми и нѣкоторое время вели вмѣстѣ со своей матерью самую тяжелую жизнь, питаясь кореньями, дичью и рыбой [6]). Но смутное время благопріятствовало возвышенію даровитыхъ личностей; подвиги Темучина, можетъ быть также память о военной славѣ его отца привлекли къ нему нѣсколькихъ молодыхъ людей знатнаго происхожденія, изъ которыхъ впослѣдствіи составилась его дружина. Во время малолѣтства Темучина было сокрушено могущество рода Монголъ, усилившагося въ XII в. и нѣкоторое время казавшагося опаснымъ даже для маньчжурской династіи Цзинь [7]), т. е. «Золотой», которая въ то время владѣла сѣвернымъ Китаемъ. Противъ монголовъ цзиньцы вооружили буиръ-норскихъ татаръ; но послѣ уничтоженія общихъ враговъ татары, какъ всегда было въ степи, не замедлили стать во враждебныя отношенія къ своимъ прежнимъ союзникамъ и возобновили нападенія на Китай. Цзиньцы теперь вооружили противъ нихъ другихъ кочевыхъ владѣтелей, изъ которыхъ самымъ могущественнымъ

1) Рашид-эд-динъ I, 89.

2) Тр. В. О. IV, 217.

3) Историкъ Джузджани (Tabakāt-i-Nāsiri, pp. 935—936) тоже говоритъ, что отецъ Чингизъ-хана былъ «главой монгольскихъ племенъ», но изъ его словъ видно, что онъ смѣшиваетъ родного отца Чингизъ-хана съ его названнымъ отцомъ, кераитскимъ ханомъ Тогруломъ.

4) Тр. Пек. Миссіи IV, 36.

5) Рашид-эд-динъ, I, 149 и II, 54.

6) Тр. Пек. М. IV, 38.

7) Id. 172—173.

былъ Тогрулъ, ханъ христіанскихъ кераитовъ; становище его находилось на берегахъ Толы [1]). Темучинъ со своими приверженцами присоединился къ кераитскому хану и былъ его дѣятельнымъ помощникомъ въ борьбѣ съ буиръ-норскими татарами, съ найманами, владѣвшими западной Монголіей, и съ мергитами, господствующимъ народомъ въ Забайкальѣ. Когда китайскій императоръ отправилъ войско въ Монголію, чтобы нанести рѣшительный ударъ буиръ-норскимъ татарамъ, и пригласилъ кераитскаго хана содѣйствовать уничтоженію общихъ враговъ, Темучинъ принималъ въ этой войнѣ настолько дѣятельное участіе, что послѣ успѣшнаго окончанія предпріятія китайское правительство пожаловало ему почетный титулъ.

Первымъ лицомъ въ восточной Монголіи теперь сдѣлался кераитскій ханъ, получившій отъ китайскаго императора титулъ *вана*, т. е. царя. Повидимому онъ не обладалъ способностями, необходимыми для того, чтобы сплотить кочевыя орды въ сколько-нибудь прочный государственный организмъ. Довольствуясь внѣшней покорностью Темучина, онъ не препятствовалъ его дальнѣйшему возвышенію и далъ свое согласіе даже тогда, когда Темучинъ объявилъ себя преемникомъ монгольскихъ кагановъ, возстановилъ названіе рода Монголъ и принялъ ханскій титулъ. По богатырскому сказанію, которому не противорѣчатъ ни оффиціальное преданіе [2]), ни дальнѣйшій ходъ событій, Темучинъ былъ возведенъ на престолъ группой аристократовъ, среди которыхъ былъ и Алтанъ, сынъ послѣдняго изъ монгольскихъ кагановъ, Хутула-каана. По монгольскому преданію отецъ Темучина, Ѣсугай-бахадуръ, былъ племянникомъ Хутула-каана; очень возможно, что это родство было придумано Темучиномъ только теперь, съ цѣлью бо̀льшаго обоснованія своихъ правъ. Любопытна формула присяги богатырей Темучину, приведенная въ богатырскомъ сказаніи [3]): «Когда ты будешь царемъ, то въ битвахъ съ многочисленными врагами мы будемъ передовыми и, если возьмемъ въ плѣнъ прекрасныхъ дѣвицъ и женъ, да добрыхъ коней, то будемъ отдавать ихъ тебѣ. Въ облавахъ на звѣрей мы будемъ выступать прежде другихъ и пойманныхъ нами звѣрей будемъ отдавать тебѣ». Въ такихъ же словахъ самъ Темучинъ по преданію опредѣлялъ свои заслуги по отношенію къ своимъ приверженцамъ: «Я бралъ много табуновъ, стадъ, кибитокъ, женъ и дѣтей народа и отдавалъ ихъ вамъ; для васъ я на степной охотѣ устраивалъ переходъ и облаву и гналъ въ вашу

1) Id. 49.

2) У Рашид-эд-дина (II, 139) даже есть прямое указаніе на это событіе, также въ китайской исторіи (Іакинѳъ, Ист. чет. хановъ, стр. 28).

3) Тр. Пек. М. IV, 62.

сторону горную дичь» [1]). Такимъ образомъ права и обязанности предводителя монгольской аристократіи опредѣлены совершенно ясно: ханъ ведетъ своихъ сподвижниковъ къ побѣдамъ, начальствуетъ надъ ними въ походахъ и на общей охотѣ и за это получаетъ лучшую часть добычи.

Въ то время, какъ степная аристократія провозгласила своимъ предводителемъ Темучина, простой народъ, искавшій не богатства и славы, а дневнаго пропитанія, сплотился вокругъ другой личности, именно вокругъ *Чжамухи,* одного изъ начальниковъ племени *Джаджиратъ*. Въ оффиціальномъ преданіи Чжамуха является только ловкимъ интриганомъ, который отовсюду возбуждаетъ враговъ противъ Темучина и наконецъ подвергается варварской казни, которую онъ самъ предназначалъ Темучину, если бы тотъ попалъ въ его руки [2]). Иначе изображены отношенія обоихъ соперниковъ въ богатырскомъ сказаніи, которое вообще относится къ личности монгольскаго народнаго вождя съ явной симпатіей, не смотря на его отступничество отъ интересовъ аристократіи.

Темучинъ и Чжамуха въ дѣтствѣ заключили между собою союзъ тѣсной дружбы и считались *аньдами*, т. е. названными братьями (объ этомъ впрочемъ говорится и въ оффиціальномъ преданіи). Однажды Чжамуха обратился къ своему другу со слѣдующими словами: «Если мы остановимся у горы, то пасущіе коней достанутъ юрты; если подлѣ потока, то пасущіе овецъ и ягнятъ достанутъ пищи для горла» [3]). По словамъ автора сказанія, Темучинъ не понялъ настоящаго смысла этихъ словъ, но они возбудили въ немъ невольное подозрѣніе, и по совѣту матери онъ покинулъ своего друга. На нашъ взглядъ смыслъ пророчества, приписаннаго Чжамухѣ, ясенъ: пасущіе коней — степная аристократія; пасущіе овецъ и ягнятъ, думающіе только о «пищѣ для горла»—простой народъ, на сторону котораго, въ противоположность Темучину, становится Чжамуха [4]). Такимъ же образомъ въ приписанныхъ Чингизъ-хану изреченіяхъ [5]) «ловкіе и проворные» табунщики противополагаются «несвѣдущимъ» овечьимъ пастухамъ, которые всегда составляли низшій слой въ кочевомъ обществѣ. Темучина провозгласили ханомъ богатыри различныхъ племенъ; вокругъ Чжамухи въ

1) Рашид-эд-динъ II, 139. Переводъ исправленъ по тексту, стр. 225—226.

2) Рашид-эд-динъ I, 201—204.

3) Труды Пек. М. IV, 59.

4) Что касается противоставленія потока горѣ, то Темучинъ дѣйствительно былъ провозглашенъ ханомъ въ горномъ урочищѣ (Тр. Пек. М. IV, 45, 61), Чжамуха—на берегу рѣки Аргуни. Какъ извѣстно, и теперь всѣ сколько-нибудь состоятельные кочевники удаляются на лѣто въ горы, и только бѣднѣйшая часть населенія остается круглый годъ на берегахъ рѣкъ.

5) Рашид-эд-динъ III, 121.

1201 г. собрались улусы, не желавшіе подчиниться ни Темучину, ни его названному отцу — Ванъ-хану кераитскому; они присягнули Чжамухѣ, который принялъ титулъ *гурхана* [1]), принадлежавшій кара-китайскому императору, владѣтелю страны отъ границъ Китая до Аральскаго моря, отъ Иртыша до Аму-Дарьи.

Демократическое движеніе было подавлено, и предводитель его сталъ вести жизнь искателя приключеній; но вскорѣ произошли раздоры среди самой аристократіи. На сторонѣ Темучина оставались его первые приверженцы, возвысившіеся вмѣстѣ съ нимъ; но Алтанъ, сынъ Хутула-каана, и другія лица, которые по происхожденію были знатнѣе Темучина и добровольно уступили ему первенство (вѣроятно въ разсчетѣ, что это первенство останется номинальнымъ), теперь почувствовали себя обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ; такой человѣкъ, какъ Темучинъ, не могъ править иначе, какъ самовластно, и долженъ былъ требовать безусловной покорности даже отъ самыхъ знатныхъ своихъ подданныхъ. Алтанъ и другіе недовольные соединились съ Чжамухой; имъ удалось склонить на свою сторону кераитскаго хана и его сына, носившаго китайскій титулъ *сянгуна*. Между Темучиномъ и кераитскимъ царствующимъ домомъ еще раньше произошло охлажденіе, такъ какъ Ванъ-ханъ и его сынъ отказались вступить въ родство съ Темучиномъ и этимъ окончательно утвердить его положеніе. Теперь союзники убѣдили Ванъ-хана, что Темучинъ тайно сносится съ его врагами, найманами. Положеніе Темучина нѣкоторое время было очень трудно; съ небольшой кучкой приверженцевъ онъ долженъ былъ удалиться къ озеру Балчжуна, около низовьевъ Аргуни, гдѣ терпѣлъ большія лишенія. Впослѣдствіи эти вѣрные сподвижники Темучина получили названіе *Балчжунту*, и ихъ потомки пользовались различными привилегіями [2]). Эта кучка приверженцевъ состояла не только изъ монголовъ; среди нихъ были и мусульманскіе купцы, находившіеся на службѣ у Темучина, какъ Джаʿфаръ-ходжа, упомянутый въ китайской исторіи [3]), и Хасанъ, упомянутый въ богатырскомъ сказаніи [4]). Не безъ хитрости и вѣроломства Темучину удалось и изъ этой борьбы выйти побѣдителемъ; Ванъ-ханъ и его сынъ бѣжали въ страну наймановъ, гдѣ были убиты, и въ восточной Монголіи Темучинъ уже не имѣлъ соперниковъ.

---

1) Рашид-эд-динъ II, 124. Тр. Пек. М. IV, 69—70.
2) Рашид-эд-динъ II, 133.
3) О немъ см. Douglas, The life of Jenghis Khan (Lond. 1877), p. 38; Тр. В. О. IV, 223, гдѣ по ошибкѣ сказано *уйгуръ* вм. *мусульманинъ* (китайское слово, какъ извѣстно, имѣетъ то и другое значеніе); Тр. Пек. М. IV, 210—211; Tabakāt-i-Nāsiri p. 954.
4) Тр. Пек. М. IV, 95, 210.

Чжамуха сдѣлалъ попытку вооружить противъ Темучина западныхъ монголовъ, наймановъ; съ своей стороны Таянъ-ханъ найманскій предложилъ союзъ противъ Темучина *онгутамъ*, т. е. бѣлымъ татарамъ, которые однако предпочли добровольно покориться повелителю восточной Монголіи. Силы наймановъ черезъ нѣсколько лѣтъ тоже были сокрушены; Чжамуха сдѣлался атаманомъ разбойничьей шайки и наконецъ былъ выданъ собственными людьми Темучину. Въ противоположность Рашид-эд-дину монгольское богатырское сказаніе придаетъ этой встрѣчѣ бывшихъ друзей и послѣднимъ днямъ жизни Чжамухи тотъ же романическій ореолъ, которымъ вообще окружена личность народнаго вождя монголовъ. Съ тяжелымъ чувствомъ Чжамуха поднялъ оружіе противъ Темучина, но и тутъ тайно оказывалъ услуги своему *аньдѣ* и предупреждалъ его о намѣреніяхъ враговъ; оттого Темучинъ хотѣлъ теперь помиловать его и предлагалъ ему, забывъ прошлое, возобновить старую дружбу. Чжамуха отвѣтилъ, что не можетъ быть искреннимъ товарищемъ Темучина и по неволѣ всегда останется предметомъ безпокойства для аньды; поэтому ему лучше умереть, и онъ проситъ себѣ только одной милости: пусть Темучинъ позволитъ ему умереть безъ пролитія крови; тогда его душа, сохранившая свою цѣлость (душа, по монгольскому вѣрованію, заключалась въ крови) будетъ геніемъ-покровителемъ потомковъ Темучина. Желаніе его было исполнено, послѣ чего Темучинъ устроилъ своему сопернику торжественныя похороны [1]).

Послѣ разгрома наймановъ и плѣненія Чжамухи объединеніе монгольскаго народа и образованіе кочевой имперіи Чингизъ-хана могло считаться совершившимся фактомъ; покореніе «лѣсныхъ народовъ» и другихъ мелкихъ племенъ было совершено безъ труда отдѣльными монгольскими полководцами. О томъ, въ какое время Темучинъ впервые назвалъ себя «Чингизъ-ханомъ» и когда произошелъ обрядъ его торжественнаго восшествія на престолъ, до насъ дошли противорѣчивыя извѣстія. Оффиціальное преданіе [2]) относитъ этотъ фактъ къ 1206 г., послѣ пораженія наймановъ, хотя приводится также извѣстіе нѣкоторыхъ лѣтописей, по которымъ событіе произошло въ 1203 г., послѣ побѣды надъ кераитами [3]). По богатырскому сказанію [4]) Темучинъ принялъ титулъ Чингизъ-кагана еще тогда, когда небольшая кучка его аристократическихъ приверженцевъ провозгла-

---

1) Тр. Пек. М. IV, 112—114.
2) Рашид-эд-динъ III, 8, 112. Ист. чет. хановъ, стр. 35.
3) Рашид-эд-динъ III, 110—111.
4) Тр. Пек. М. IV, 62, 174; слово *хаханъ* есть въ монг. текстѣ, какъ мнѣ сообщилъ проф. А. О. Ивановскій.

сила его своимъ главой; но и по этому источнику [1]) Чингизъ-ханъ въ 1206 г. «водрузилъ знамя съ девятью бѣлыми хвостами и возсѣлъ царемъ», такъ какъ къ этому времени онъ «собралъ подъ свою власть народы разныхъ улусовъ». Тогда же получила окончательное устройство личная гвардія Чингизъ-хана, составлявшая главную опору его власти.

Такимъ образомъ Чингизъ-ханъ не былъ «народнымъ вождемъ» въ настоящемъ значеніи этого слова, и созданный имъ государственный строй носилъ строго-аристократическій характеръ. Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить приписанныя Чингизъ-хану изреченія съ орхонскими надписями, въ которыхъ оставили свой завѣтъ народу каганы, обязанные своимъ возвышеніемъ демократическимъ элементамъ [2]). Авторъ надписей нѣсколько разъ повторяетъ, что при вступленіи на престолъ кагана народъ не имѣлъ пищи въ желудкѣ, не имѣлъ одежды на тѣлѣ, что благодаря трудамъ и подвигамъ кагана бѣдный народъ сталъ богатымъ, малочисленный народъ — многочисленнымъ [3]). Съ другой стороны Чингизъ-ханъ настаиваетъ на томъ, что до него въ степи не было никакого порядка; младшие не слушали старшихъ, подчиненные не уважали начальниковъ, начальники не исполняли своихъ обязанностей относительно подчиненныхъ; Чингизъ-ханъ, вступивъ на престолъ, ввелъ строгій порядокъ и указалъ каждому свое мѣсто [4]). Во всѣхъ своихъ наставленіяхъ Чингизъ-ханъ обращается только къ членамъ ханскаго рода, къ вельможамъ и начальникамъ, а не ко всему народу, подобно тюркскому кагану.

Сближеніе съ культурными народами не измѣнило основныхъ началъ этого государственнаго строя. Мы видѣли, что въ войскѣ Чингизъ-хана еще во время борьбы съ кераитами были отдѣльные представители культурныхъ народовъ изъ купцовъ, торговавшихъ въ степи, причемъ преданіе называетъ два мусульманскихъ имени; кромѣ того Темучинъ въ странѣ наймановъ нашелъ уйгурскаго «хранителя печати» (по-тюркски *тамгачи*, отъ слова *тамга* = печать), который познакомилъ его съ употребленіемъ печати и вообще съ началомъ письменнаго дѣлопроизводства; обо всемъ этомъ Темучинъ до тѣхъ поръ не имѣлъ понятія. Теперь онъ принялъ этого уйгура къ себѣ на службу и велѣлъ ему обучать уйгурской письменности знатныхъ монгольскихъ юношей, между прочимъ сыновей самого Чингизъ-

1) Тр. Пек. М. IV, 114.

2) Тӱрк kара kамыҕ будун; Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, p. 9; Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, p. 100.

3) Radloff, 13, 17, 19.—Thomsen, 103, 106—108.

4) Рашид-эд-динъ III, 120—121.

хана [1]). Что касается вліянія китайцевъ, то о немъ въ монгольскомъ преданіи не говорится ни слова. Разсказ Мэнъ-хуна показываетъ только, что уже китайскіе современники Чингизъ-хана, по всегдашнему обыкновенію китайцевъ, старались объяснить успѣхи монгольскаго завоевателя китайскимъ вліяніемъ и съ этой цѣлью придумывали факты; такой характеръ имѣетъ извѣстіе [2]), что Темучинъ въ молодости былъ взятъ въ плѣнъ цзиньскими войсками и болѣе 10 лѣтъ провелъ въ Китаѣ; едва-ли возможно, чтобы монгольское преданіе не сохранило ни одного намека на періодъ въ жизни Чингизъ-хана, продолжавшійся цѣлыхъ 10 лѣтъ. Проф. В. П. Васильевъ [3]) приписываетъ Мэнъ-хуну мнѣніе, что самое слово *Чингизъ* есть искаженіе китайскихъ словъ Тянь-цы («дарованный небомъ»); но Мэнъ-хунъ не высказываетъ этого мнѣнія отъ своего имени, а только приводитъ его съ прибавленіемъ словъ: «нѣкоторые говорятъ» [4]); очевидно мы имѣемъ здѣсь только китайскую народную этимологію. Если бы этотъ титулъ, согласно мнѣнію проф. Васильева, былъ заимствованъ Темучиномъ непосредственно отъ китайскихъ перебѣжчиковъ, то едва ли онъ могъ бы такъ скоро исказиться въ произношеніи настолько, что его еще при жизни Чингизъ-хана перестали понимать сами китайцы; между тѣмъ уже въ то время этотъ титулъ въ китайской транскрипціи является въ формѣ *Чэнъ-цы-сы* [5]). Какъ поздно стало проявляться непосредственное вліяніе китайской культуры на монголовъ, видно изъ словъ самого Мэнъ-хуна [6]), что монголы только въ 1219 г., т. е. черезъ 8 лѣтъ послѣ своего перваго похода на Китай, начали употреблять китайскія письмена въ перепискѣ съ китайскими правительствами; раньше даже эти документы писались исключительно по-уйгурски. Разница между монголами и народами, находившимися подъ непосредственнымъ и исключительнымъ вліяніемъ китайской культуры, нагляднѣе всего видна изъ слѣдующаго примѣра: кара-китаи приняли китайскую систему подворнаго обложенія и принесли ее съ собой въ мусульманскія страны [7]); монголы въ самомъ Китаѣ, не смотря

1) Abel-Rémusat, Nouveaux mélanges asiatiques II, 61. Джувейни (рук. Публ. библ. IV, 2, 34, л. 9) тоже говоритъ, что по приказанію Чингизъ-хана монгольскіе юноши должны были учиться уйгурской грамотѣ.

2) Тр. В. О. IV, 218.

3) Тр. В. О. IV, 140. З. В. О. IV, 379.

4) Тр. В. О. IV, 218.

5) Ibid. 229. По мнѣнію проф. Васильева Темучинъ далъ названіе Тянь-цы «годамъ своего правленія»; между тѣмъ самъ Мэнъ-хунъ категорически утверждаетъ, что монголы «вовсе не знали, чтó такое названіе династіи и лѣтъ правленія» (Тр. В. О. IV, 220).

6) Ibid. 219.

7) Ibn-el-Athiri Chronicon, ed. Tornberg XI, 04.

на сопротивленіе китайской бюрократіи, старались ввести подушную подать [1]).

О словѣ *Чингизъ* у самихъ монголовъ было преданіе, слышанное еще предшественникомъ Рашид-эд-дина, Джувейни [2]), по которому Темучинъ получилъ такой титулъ отъ шамана Кокчу, носившаго прозваніе *Тѣбтенгри*, т. е. «восходящаго на небо». Въ виду этого получаетъ большое вѣроятіе мнѣніе Банзарова; по этой гипотезѣ слово Чингизъ было названіемъ одного изъ духовъ, которымъ поклонялись шаманы: въ одной монгольской рукописи Банзаровъ нашелъ названіе духа Хаджиръ-Чингизъ-тенгри [3]).

Союзъ Чингизъ-хана съ Тѣб-тенгри, выразившійся въ томъ, что мать Чингиза, Олунъ-эхэ, вышла за отца Кокчу, несомнѣнно былъ пріятенъ аристократическимъ приверженцамъ Чингизъ-хана. Фантастическіе разсказы, проникнутые суевѣрнымъ поклоненіемъ этому шаману, Джувейни слышалъ именно отъ *знатныхъ* монголовъ [4]); по происхожденію Кокчу повидимому тоже принадлежалъ къ высшей аристократіи. Разумѣется, Чингизъ-ханъ лично былъ свободенъ отъ суевѣрнаго почитанія шамановъ и руководился только политическимъ разсчетомъ; когда вліяніе Кокчу настолько усилилось, что грозило ослабить авторитетъ самого хана, послѣдній устранилъ шамана такъ-же просто, какъ прежде устранилъ своихъ соперниковъ изъ высшей аристократіи. Изъ такихъ же политическихъ разсчетовъ Чингизъ-ханъ, не смотря на свое личное сближеніе съ мусульманами, съ христіанскими и буддійскими уйгурами, остался ревностнымъ послѣдователемъ народныхъ обычаевъ, которые пользовались одинаковымъ уваженіемъ у всѣхъ монголовъ, даже у тѣхъ, которые называли себя христіанами [5]); между тѣмъ во имя культурныхъ религіозныхъ идей Темучинъ могъ бы собрать вокругъ себя только незначительное число приверженцевъ. Даже принятіе уйгурской письменности прежде всего послужило не для перевода на монгольскій языкъ памятниковъ чужой литературы, но для кодификаціи монгольскаго обычнаго права. Совершенно въ духѣ аристократическаго строя имперіи какъ сводъ обычнаго права, такъ и хроника монгольскихъ племенъ, составленная по приказанію Чингизъ-хана или его ближайшихъ преемниковъ, хранились въ величайшей тайнѣ отъ непосвящен-

1) Ист. чет. хановъ, стр. 264.

2) Рук. Публ. библ. IV, 2, 34, л. 14.

3) Банзаровъ, Черная вѣра и другія статьи, изд. Г. Н. Потанина (Спб. 1891), стр. 12—13.

4) از مغولان معتبر شنیده ام

5) Въ монгольскомъ преданіи кераиты, найманы и ихъ государи вездѣ являются такими же степняками, какъ остальные жители Монголіи.

ныхъ, и доступъ къ этимъ книгамъ былъ открытъ только членамъ ханскаго рода и немногимъ вельможамъ [1]).

Для управленія осѣдлыми народами Чингизъ-хану были необходимы образованные люди, которыхъ онъ не могъ найти среди своихъ монголовъ; постоянныя войны и дѣла управленія не оставляли ему также довольно времени, чтобы самому усвоить необходимыя знанія и руководить чиновниками изъ уйгуровъ, мусульманъ и китайцевъ; до насъ дошло свидѣтельство современниковъ, что Чингизъ-ханъ до конца жизни не зналъ ни одного языка, кромѣ монгольскаго [2]). Но онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы его преемники не находились въ такой зависимости отъ иноплеменныхъ чиновниковъ; съ этой цѣлью онъ позаботился о доставленіи образованія своимъ сыновьямъ и вообще юному поколѣнію монгольской знати. Итакъ, по мысли Чингизъ-хана, въ слѣдующемъ поколѣніи гражданское управленіе должно было быть устроено на тѣхъ-же началахъ, на которыхъ при немъ было устроено управленіе военное. По справедливому замѣчанію проф. Березина [3]) геніальные планы монгольскаго хана потерпѣли крушеніе вслѣдствіе одного обстоятельства, котораго онъ не могъ предвидѣть, именно вслѣдствіе несовмѣстимости цивилизаціи съ кочевымъ бытомъ. Эта несовмѣстимость отвергалась нѣкоторыми учеными, напр. Григорьевымъ [4]), который указывалъ на то, что у кочевниковъ больше досуга, чѣмъ у осѣдлыхъ народовъ, т. е. больше остается времени для умственныхъ интересовъ; но съ другой стороны кочевнику недостаетъ привычки къ упорному труду, которая вырабатывается цѣлыми поколѣніями и безъ которой невозможно усвоеніе умственной культуры. Еще при жизни Чингизъ-хана были отдѣльные монгольскіе юноши, усвоившіе себѣ внѣшнюю сторону цивилизаціи и говорившіе на нѣсколькихъ языкахъ [5]); но число монголовъ, способныхъ занимать культурныя должности, всегда было очень незначительно,

1) Во время чтенія лекціи мнѣ было замѣчено, что такой обычай искони существовалъ у китайцевъ. Во всякомъ случаѣ не лишено значенія, что Чингизъ-ханъ принялъ этотъ обычай, котораго не было у народовъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ монголы, подчинившихся вліянію китайской культуры. Въ орхонскихъ надписяхъ каганъ (о демократическомъ происхожденіи этой династіи см. выше) ставитъ могильный памятникъ при участіи китайцевъ, но на памятникѣ пишетъ исторію успѣховъ и неудачъ своего народа и приглашаетъ весь народъ читать ее (Radloff, Inschriften, 36. Thomsen, Inscriptions, 118). Очевидно, эти тюрки, въ противоположность монголамъ, не скрывали отъ народа ни могилъ хановъ, ни преданій родной старины.

2) Tabakât-i-Nâsirî, p. 1114. Съ китайцемъ Чанъ-Чунемъ Чингизъ-ханъ объяснялся при посредствѣ переводчика (Тр. Пек. М. IV, 331) — лучшее доказательство, что китайское извѣстіе о десятилѣтнемъ пребываніи Темучина въ Китаѣ несогласно съ истиной.

3) Очерки внутренняго устройства улуса Джучіева, стр. 21.

4) О скиѳскомъ народѣ Сакахъ, стр. 61 слѣд.

5) Тр. В. О. IV, 222.

и эти должности до конца монгольскаго владычества остались въ рукахъ уйгуровъ, персовъ и китайцевъ. Вопреки мысли Чингизъ-хана его преемники по прежнему нуждались въ услугахъ культурныхъ иноплеменниковъ, не умѣя въ то же время пользоваться ими съ такою осмотрительностью и систематичностью, какъ геніальный основатель имперіи. Чингизъ-ханъ отдалъ предпочтеніе уйгурской цивилизаціи, очевидно потому, что она была ближе всего кочевникамъ; среди уйгуровъ было много остатковъ кочевыхъ преданій и степныхъ обычаевъ [1]). Уйгурской письменности одинаково обучалось все молодое поколѣніе монгольской знати; итакъ усвоеніе этой культуры не разрушало ни единства этого сословія, ни его преданности степнымъ традиціямъ. Преемники Чингизъ-хана, продолжая давать образованіе своимъ сыновьямъ, не слѣдовали въ этомъ отношеніи никакой системѣ; въ нѣкоторыхъ семьяхъ, между прочимъ даже въ семьѣ втораго кагана, Угэдэя [2]), одни сыновья получали христіанско-уйгурское воспитаніе, другіе — мусульманское, что́, конечно, могло только содѣйствовать раздорамъ и междоусобіямъ, и безъ того вызваннымъ расширеніемъ предѣловъ имперіи и отсутствіемъ солидарности интересовъ. Единство имперіи сохранялось до тѣхъ поръ, пока еще было живо вліяніе личности ея основателя, пока еще дѣйствовали воспитанные имъ люди, что́ продолжалось еще лѣтъ 30 послѣ его смерти: Чингизъ-ханъ прожилъ 72 года и выбиралъ себѣ помощниковъ изъ своихъ младшихъ современниковъ съ такимъ же умѣніемъ, какъ изъ своихъ сверстниковъ. Только послѣ того, какъ сподвижники Чингизъ-хана окончательно сошли со сцены и вмѣсто нихъ появились новые люди, воспитанные при иныхъ условіяхъ, имперія подверглась вліянію разлагающихъ элементовъ.

Это распаденіе имперіи на нашъ взглядъ находится въ связи съ распаденіемъ рода, основной экономической единицы у кочевыхъ племенъ. Понятіе о родовой собственности, господствовавшее въ частной жизни, было перенесено и на государство, которое считалось собственностью всего хан-

1) См. уйгурскія легенды (по Джувейни) у Радлова, Kudatku-Rilik, Einleitung, p. XLI sq.—Къ вопросу объ уйгурахъ (Спб. 1893 г.), стр. 56 слѣд. — Изъ степныхъ обычаевъ, сохранявшихся у уйгуровъ, укажемъ на обычай жениться на вдовѣ отца; см. Джувейни, рук. Публ. Библ. IV, 2, 34, л. 184: رسم مغولان وايغوران بر آنست كه پسر بر زن پدر حاكم باشد وبزوجيّت تصرّف نمايد.

2) Христіанское воспитаніе, какъ извѣстно, получилъ преемникъ Угэдэя, Гуюкъ, мусульманское—младшій сынъ Угэдэя, Меликъ (о немъ см. Рашид-эд-динъ, рук. Аз. Муз. а 566, л. 174).

скаго рода [1]). Такое обогащеніе рода, при которомъ отдѣльный членъ его уже не нуждался въ другихъ, по необходимости ослабляло родовую солидарность; такъ въ орхонскихъ надписяхъ каганъ, желая изобразить богатство своего народа, говоритъ: «Младшій братъ не зналъ старшаго, сынъ не зналъ отца» [2]). Вслѣдствіе расширенія предѣловъ имперіи, т. е. общей собственности Чингизидовъ, такой моментъ наступилъ и для ханскаго рода; отдѣльные царевичи получили возможность поддерживать свою власть въ покоренныхъ областяхъ безъ помощи своихъ родичей; не сдерживаемые больше вліяніемъ такой могучей, одинаково авторитетной для всѣхъ личности, какой былъ Чингизъ-ханъ, они скоро сдѣлались главами самостоятельныхъ государствъ, между которыми не замедлили начаться братоубійственныя войны.

1) Это понималъ уже Джувейни, рук. IV, 2, 34, л. 15: هرچند از روى ظاهر حكم ومملكت يك كس راست كه باسم خانيّت موسوم باشد امّا از روى حقيقت همه اولاد واحفاد واعمام در ممالك ومال وملك مشتركند.

2) Radloff, Inschriften, p. 54. Thomsen, Inscriptions, p. 105. Кажется, наше толкованіе проще и болѣе согласно съ контекстомъ, чѣмъ толкованіе проф. Томсена (p. 150): Les Turcs avaient causé, parmi les peuples soumis, de ces bouleversements qui font dire, dans un poème téléoute sur la fin du monde et les révolutions dont elle est témoin: Le père ne connaîtra pas son enfant, l'enfant ne connaîtra pas son père.

В. Бартольдъ.